

дановым большой исследовательский труд. Именно такой характер имеет прежде всего открывающая книгу большая вступительная статья, в которой на широком историческом фоне дается позитивная общая характеристика вклада, внесенного европейскими авторами в этнографию народов Кавказа. Очень содержательны и ценны также библиографические и иные сведения об авторах, даваемые во вступительных статьях к каждому из текстов. Особой тщательностью отличается научная редакция переводов, что очень заметно в тех случаях, когда те или иные тексты ранее уже переводились на русский язык. Вот лишь один из примеров старой и новой редакций перевода одного из сообщений Дюбуа де Монпере:

«...князь не мог продать крепостного, разве только за измену или вероломство, и при этом по решению суда, вынесенному на родным собранием»².

«...князь не может продать крепостного, разве что в качестве наказания за измену, или же по приговору, вынесенному племенным собранием» (стр. 445).

Как и всякая книга, рецензируемая работа не лишена недостатков. Так, например, она бы стала значительно полезнее для читателя, если бы включенные в нее тексты были снабжены специальным комментарием. Кроме того, следует заметить, что не все вступительные статьи к текстам в равной степени информативны. В частности, могла бы быть существенно расширена характеристика Белла и его дневников.

Однако частные недостатки книги ни в какой мере не колеблют ее общую высокую оценку. Не только масштабы издания, но и его научная ценность делают выход рецензируемой книги выдающимся событием в кавказоведческом источниковедении.

В заключение следует отметить тщательную и добросовестную работу переводчиков текстов — Е. С. Зевакина и А. И. Петрова, а также хорошее полиграфическое оформление книги, вышедшей в кабардино-балкарском книжном издательстве «Эльбрус».

В. П. Невская

² Ф. Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937, с. 49.

Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, 303 стр.

Рассматриваемый сборник содержит семь статей, объединенных единой темой — историей жилища в Восточной Европе, начиная с античности и кончая поздним средневековьем. Будучи сборником, а не коллективной монографией, он не претендует на полный охват проблемы. В нем рассмотрены жилища кочевников южнорусских степей в античности и раннем средневековье (Л. Г. Нечаева), племен черняховской культуры в Молдавии (Э. А. Рикман), обитателей той же территории в X—XVII вв. (И. Г. Хынку), археологические данные по жилищу Юго-Восточной Прибалтики в начале нашей эры (В. В. Седов), русское средневековое жилище (в VI—XIII вв. — П. А. Раппопорт и в XIII—XVII вв. — М. Г. Рабинович), наконец, некоторые вопросы истории жилища на Украине (Н. П. Приходько). В то же время следует отметить, что во всех статьях сборника соблюдается тенденция следования единой программе, общей задаче, заключающейся в характеристике материала, конструкции, планировки и функционального назначения помещений, причем авторы в той мере, в какой это позволяли источники, стремились дать реконструкцию жилища данной эпохи на данной территории, а также, там где это возможно, привести материал по ареальному распределению отдельных типов жилища.

Л. Г. Нечаева выделяет три периода в жизни кочевников, передвигавшихся из Азии в Европу. Первоначально кочевая группа мигрантов, которая не обрела еще стабильной территории, ведет круглогодичное кочевание, и жилищем ей служат крытые повозки. С установлением определенной территории и маршрутов кочевания зимовья устраиваются на одном и том же месте, но жилище остается легким, перевозным. Наконец, в результате контактов с земледельческим населением возникают полуседлость и оседлость, а с ней и стационарные жилища. Привлекая обширные летописные, изобразительные и археологические материалы, автор реконструирует жилища и образ жизни скифов и других ираноязычных кочевников Причерноморья: гуннов, болгар, половцев и других тюркоязычных кочевников, а также татаро-монголов. Наиболее важными в статье представляются два наблюдения. Одно из них то, что в Причерноморье с каждой новой волной мигрантов появлялся новый тип кочевого жилища, более ранние этапы эволюции которого проходили восточнее, в местах прежнего обитания кочевников. В Причерноморье эволюция их жилища была связана с переходом к оседлости, причем стационарное жилище долго сохраняло планировку, унаследованную от кочевого жилища. Второй важный вывод автора в том, что эти особенности планировки могут быть сведены к

прямоугольной в плане форме у ираноязычных народов и к округлой — у тюркоязычных. Нам представляется, однако, что автор не сделал того окончательного вывода, который напрашивался как из такого деления, так и из различия в темпах оседания у этих двух групп кочевников. На наш взгляд, прямоугольные, закрепленные на повозке жилища ираноязычных кочевников возникли в результате того, что эти народы исторически не были исконными кочевниками, а, как и все индоевропейские народы, прошли в своем развитии этап комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. В данный же период они были как бы временно перешедшими к кочевому образу жизни мигрантами, сохранявшими память о некогда более оседлом земледельческом хозяйстве их предков. От них они унаследовали прямоугольное в плане жилище и, как только для этого представлялась возможность, легко и охотно переходили к оседлости, прочным постоянным домам и высокоразвитому земледелию. Напротив, у тюрков и монголов круглая юрта, генетически возникшая из конического жилища типа чума, была первоначально связана с охотничье-скотоводческим типом хозяйства на их прародине на Востоке и при больших военно-переселенческих походах в неразобранном виде ставилась на повозку. Переход этих народов к земледелию и оседлости проходил гораздо медленнее, и в их быту пережитки кочевого образа жизни сохранились дольше и прочнее, что и отразилось в конструкции их ранних полустационарных и стационарных жилищ.

В статье Э. А. Рикмана подробно описаны остатки жилищ черняховских племен Днестровско-Прутского междуречья и предпринята удачная, на наш взгляд, попытка их реконструкции. Рассмотрен вопрос о соотношении наземных и углубленных жилищ — основной, по словам автора, вопрос, решаемый исследователями жилищ черняховской культуры. Показано, что на большей части рассматриваемой территории в это время хотя и существовало углубленное жилище, но наземное было распространено гораздо больше. Землянки имелись в описываемых поселениях, но их было очень мало, и они носили, скорее всего, подсобный характер.

Большая часть статьи посвящена описанию «больших домов» черняховцев (в среднем по 100 м²) и анализу проблемы их происхождения и назначения. В решении последнего вопроса автор, видимо, совершенно прав, считая их жилищем большесемейной общины. Найденные ключи и остатки изгородей говорят, что в хозяйстве подобной общины накапливались богатства, требовавшие охраны. В то же время наличие малых жилищ и камер внутри больших говорит и о процессе выделения малых семей из больших. Что касается происхождения больших домов черняховцев, то в решении этого вопроса заметна некоторая противоречивость. В одних местах автор признает некоторые связи черняховских жилищ с более древними гетскими и дакийскими и более поздними салтовскими (болгаро-аланскими) и восточнославянскими жилищами, привлекая эти материалы для реконструкции, в других же скорее отрицает эти связи. Истоки конструкции черняховского дома автор видит скорее в жилищах древних восточных германцев, приводя многочисленные параллели, и считает, что «изучение „больших домов” поможет правильной оценке вклада различных, в особенности восточногерманских, племен в формирование черняховской культуры» (стр. 77). В целом германско-черняховские параллели, приводимые автором, довольно убедительны. Наличие некоторого числа германцев (готов) и их политических образований на рассматриваемых землях также является историческим фактом. С другой стороны, ни в антропологическом составе современного населения этих областей, ни по данным палеоантропологии германская примесь не прослеживается. Все это заставляет предполагать, что в исторических источниках по данной области под именем готов, возможно, выступают этнически смешанные конгломераты племен, в которые собственно германский компонент включался лишь частично, и удельный вес его в общей массе населения был, видимо, не очень велик. Что же касается восточногерманских традиций строительства больших домов, то они путем даже косвенных культурных влияний действительно легко могли включиться в общую традицию строительства местных наземных жилищ, поскольку в эту эпоху условия благоприятствовали их преимущественному развитию.

Как явствует из статьи И. Г. Хынку, в X в. и позже в Молдавии вновь преобладали землянки, хотя в небольшом количестве, видимо, имелись и наземные жилища. В золотоордынское время шире распространяются плетеные мазанки и каменные дома состоятельных людей. «В XV—XVII вв. при бытовании однокамерных полужемлянок как основного типа жилища развиваются однокамерные, а потом и двухкамерные наземные дома, на основе которых развивается современный трехчастный молдавский дом» (стр. 103).

Нам представляется, что пульсирующее развитие жилища на территории Молдавии, с чередующимся преобладанием то землянок, то наземных жилищ, при постоянном одновременном бытовании обоих типов, которое можно видеть при сравнении материалов Э. А. Рикмана и И. Хынку, является хорошим примером действия культурного полиморфизма как механизма реализации адаптивной функции культуры, ее приспособления к меняющимся как природным, так и, в данном случае, к социально-экономическим условиям существования, когда наличие разных вариантов одного культурного явления, например жилища, позволяет в каждую эпоху дать преимущественное развитие одному, наиболее подходящему для условий того времени, варианту при одновременном сохранении других вариантов как дополнительных.

Другой интересный аспект статьи И. Г. Хынку — отражение слияния южноевропейского очага и восточнославянской печи и формирование на территории Молдавии син-

тетического типа печи с шестком перед устьем. Кроме того, в золотоордынское время по образцу восточноазиатских канов здесь появились обогреваемые лежанки, сохранившиеся и в позднейшем молдавском домостроительстве (стр. 99).

Центральное место в сборнике занимают статьи П. А. Раппопорта и М. Г. Рабиновича, посвященные анализу старинного русского жилища соответственно VI—XIII и XIII—XVII вв. Таким образом, эти две статьи в совокупности дают всю историю старорусского жилища в последовательном его развитии, хотя по стилю и композиции работы сильно различаются. Статья П. А. Раппопорта дает подробную историографию вопроса, она основана главным образом на археологических источниках, снабжена целым рядом диахронных карт. Реконструкции в ней имеются, но касаются не конкретных жилищ, а их типологии. Как показывает автор, материалы по древнеславянскому жилищу подтверждают, что в VI—IX вв. существовал единый и достаточно четко выделенный ареал общеславянского этнического массива, внутри которого лишь соотношение столбового и срубного вариантов крепежа полуземлянок, печей каменок и глинянок может помочь наметить границы субэтнического деления. Середина X в. — рубеж в развитии древнерусского жилища. Он совпадает со временем сложения государства и, очевидно, отражает его косвенно, через развитие ремесла, транспорта, технологии и прочих возможностей. Статья убедительно показывает недопустимость экстраполяции на древность современных типов жилища, пусть даже самых архаичных. Более того, нет, по мнению автора, и прямой преемственности между древнейшими наземными срубными жилищами севера Руси и полуземлянками юга, с одной стороны, и новейшими русскими избами и украинскими хатами — с другой. К XIII в. деревянные дома господствовали не только на севере Руси, но и на большей части будущей Украины, и лишь позднее, с оскудением лесов, они были здесь вытеснены мазанками. Представление, что в древности различные типы жилищ чаще всего сосуществовали, опровергается фактами, и если где-то мы и встречаем такое сосуществование, то это означает лишь незавершенность процесса вытеснения одного типа другим. Соглашаясь в целом с выводами автора, хочется отметить, что если в микроареалах действительно имелось полное господство унифицированного типа, то древнерусскому этносу в целом все же был постоянно присущ тот культурный полиморфизм, о котором говорилось выше. Поэтому генетическую связь древних и новых изб, полуземлянок и мазанок никак нельзя отрицать. Тем более, что сохранение в «этнической памяти» навыков сооружения землянок позволяло в трудные времена возвращаться к их сооружению и после того, как, говоря словами М. Г. Рабиновича, «к XIV—XV вв. полуземляночные жилища на территории русского государства практически перестали существовать» (стр. 165). Кстати, здесь же М. Г. Рабинович отмечает, что в X—XIII вв. «ни один из типов жилища не господствовал безраздельно». По его же словам, хотя «полуземлянки отошли в прошлое, но... навыв их устройства в народе не исчез: при ... чрезвычайных обстоятельствах ... население возводило землянки и использовало их как временные жилища даже в XIX—XX вв.» (стр. 242). П. А. Раппорт предлагает ряд весьма убедительных объяснений эволюции жилища, исходя из эволюции технологии его сооружения. Так, например, он указывает, что в XVII в. для конопачения пазов начали применять паклю, гораздо более прочную, чем употреблявшийся до этого мох, который при высыхании крошится и становится сыгучим. В связи с этим стыковка бревен сруба через паз в верхней части бревна заменяется вырубанием паза в нижней части, что лучше предохраняет сруб от затекания воды (стр. 131). Тесно связаны, по мнению автора, эволюция типов жилища и изменения в конструкции и расположении печи, причем эти параллельные и тесно взаимообусловленные процессы не сопряжены с этническими и этнографическими изменениями и сдвигами. «... Этнографические различия отдельных районов (особенно четко прослеживаемые, например, в керамике) сохраняются даже в XII в., тогда, когда печи на всей южнорусской территории приобретают совершенно единообразный характер» (стр. 151). При этом развитие типа печи опережает и определяет развитие жилища, т. е. они соотносятся как аргумент и функция. «Так, новый тип печей иногда еще связан со старой плановой схемой жилища, но новая плановая схема никогда, за единичными исключениями, не применяется при старых типах печей» (там же). Однако такой примат технологической целесообразности над этнической традицией, очевидно, сравнительно позднее явление, ибо в XI в. «ареалы типов печей независимы от ареалов типов жилища» (стр. 128), а «деление на каменные и глиняные печи, вероятно, первоначально было связано с местными условиями, но затем потеряло эту зависимость и «к VIII—IX вв. стало уже определенным этнографическим признаком» (стр. 122).

Статья М. Г. Рабиновича написана прежде всего на основе изучения обширного круга средневековых письменных источников — купчих, описей и иных юридических актов. От других статей сборника она отличается живым, образным языком, своеобразным стилем изложения, при котором перед читателем поистине зримо встает обобщенный образ жилища, усадьбы, домашнего быта разных слоев русских людей эпохи развитого и позднего феодализма — крестьян, дворян, посадских людей, вельмож, духовных лиц. Статья снабжена большим количеством перерисовок из источников, равно как и реконструкций. В то же время в ней меньше внимания, чем в предыдущей статье, уделено ареализации типологии жилища, и имеется лишь одна карта, правда, с довольно обширной комплексной информационной нагрузкой на XVI—XVII вв. Она дополнена таблицей ареального распределения погребов и подклетов (стр. 208). Главная тема, затронутая в статье, — сложение основных фиксируемых этнографически особен-

ностей русского народного жилища. Постепенно усложняется усадьба и ее состав. Распространяется трехкамерная планировка, сначала в жилище посадских людей, затем крестьян. Переход к ней, считает автор, шел через соединенные сенями избы и клетки. Он полагает, что происхождение позднейшего двухкамерного плана «изба — сени» сравнительно недавнее и не вполне ясно, и оспаривает мнение Е. Э. Бломквист, что сени развились из навеса над входом в жилище. М. Г. Рабинович думает, что сени богатых домов, своего рода открытая веранда второго этажа, генетически не связаны с сенями позднего времени — постройкой, соединяющей два сруба — жилого с хозяйственным или два жилых.

В статье Н. П. Приходько обобщены материалы письменных и отчасти полевых свідетельств об украинском жилище преимущественно XVI—XVIII вв. Автор указывает, что жилища господствовавшего класса до XVIII в. мало отличались по планировке от крестьянского жилища и что архитектурные приемы последнего были и основой сооружения культовых зданий. По мнению автора, «в XVI—XVII столетиях в жилище украинцев в основном сложились его этнические особенности» (стр. 275).

Статья В. В. Седова посвящена жилищу народов, живших на территории современной Советской Прибалтики в I — начале II тысячелетия нашей эры, т. е. до эпохи раннего средневековья. Работа снабжена ареальными картами разных эпох и планами археологических раскопок, на материалах которых она в основном и построена. Как считает автор, прибалтийский регион однороден ландшафтно и климатически, и поэтому различия в жилище обусловлены здесь не природной средой, а этнической дифференциацией населения. Так, в эпоху раннего железа землянки или полужемлянки характерны только для западнофинского населения. Среди принадлежавших ему наземных домов преобладают срубные, которые известны уже в раннем железном веке и господствуют в средневековье. Жилища же балтских племен в эпоху раннего железа имели столбовую конструкцию, и не исключено, что появление таких жилищ на городище Асва (о. Сааремаа) связано с проникновением балтов на земли Эстонии. Позже, в основном уже в эпоху средневековья, каркасно-столбовые жилища у балтов вытесняются срубными. До этого в строении жилищ столбовой конструкции у балтов четко прослеживаются межплеменные различия. Так, например, «жилища с глинобитными полами второй половины I тысячелетия н. э. можно рассматривать в качестве латгальской этнографической особенности» (стр. 301).

В настоящее время советскими этнографами частично опубликованы, частично подготовлены к печати и вскоре выйдут в свет историко-этнографические атласы, характеризующие разные стороны культуры, и в частности жилище народов Восточной Европы — этой историко-этнографической провинции высшего порядка. На очереди дальнейших исследований — составление по возможности столь же полного историко-ретроспективного обзора тех процессов развития и формирования разных сторон культуры, которые имели место в прошлом. Книга «Древнее жилище народов Восточной Европы» — важный шаг на пути к построению подобной ретроспективы.

С. А. Арутюнов

М. С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975, 282 стр.

Рецензируемая монография посвящена актуальной, важной и трудной для разработки теме — антропологической характеристике населения Юго-Запада СССР. Решаемые автором проблемы относятся не только к Прутско-Днестровскому междуречью. Сформулированные М. С. Великановой на основе исследования антропологического материала выводы значительно продвигают решение ряда дискуссионных вопросов этногенеза славян, восточных романцев и других народов. В этом — несомненная заслуга автора.

Фундамент рецензируемой книги — обширный палеоантропологический материал, в значительной мере собранный самим автором во время раскопок. Данные тщательно обработаны по современной методике.

Ниже рассмотрена преимущественно историко-этнографическая концепция М. С. Великановой. Попытаемся определить конкретно, что нового дают историкам выводы М. С. Великановой, к которым она пришла в результате исследования антропологического материала. Работа открывается введением, представляющим собой содержательный очерк этнической истории Прутско-Днестровского междуречья. Есть только одно замечание к этому очерку: говоря о том, что к рубежу нашей эры различные племена во главе с бастарнами «частью ушли, частью растворились в массе гето-дакийского населения» (стр. 5), автор не учитывает свидетельств Страбона, Птолема и Зосима о том, что в первых веках нашей эры бастарны занимали карпато-днестровские земли¹.

¹ Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975, с. 329.